

КАЗАНСКАЯ

Что ты так печальна, Богородица?
Складочки на тонкой переносице,
А в глазах – не радость, а мучение.
Знала Ты Его предназначение!

Знала Ты, что сбудутся пророчества:
Крестный путь в безмолвном одиночестве,
Горечь славы и непонимания,
Через страсти – вечное признание.

Все легенды, чудеса, весь поиск истинны,
Сколько будет книжек понаписано,
Сколько Ты подаришь вдохновения!
А сейчас во взгляде – лишь сомнения.

Будут храмы возводиться Твоим именем,
В них – гореть лампы негасимые.
Но печаль в глазах твоих проносится,
И грустишь Ты, Мама – Богородица.

САРОВСКАЯ СТРАНИЧКА

От дальней пустынки пешком
Мы шли назад к автобусу.
А где-то рядом с посошком
Шёл Он, как будто с образа
Спустился и по мере сил,
Тепло и ненавязчиво,
Меня о чём-то всё просил.
Но что бы это значило?

Олег Алексеевич РЯБОВ, российский прозаик и поэт. Родился в 1948 году. Окончил Горьковский политехнический институт им. А.А. Жданова. Автор многих книг и участник нескольких поэтических антологий. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

Живет и работает в Нижнем Новгороде.

Я всё оглядывался в лес,
Надеясь взглядом встретиться,
Но видел шишки на земле
Да веток перекрестия.

А как хотелось разобрать,
Что Он мне шепчет, Батюшка?
Понятно, что желал добра,
Удачи в деле завтрашнем.
От пустынки шёл как во сне,
Твердя тройное правило,
Когда увидел на сосне
Молоденького ангела.

* * *

Г. Красникову

Нет, я не первый. Я последний.
Я подбираю отстающих:
Соратников, друзей, соседей,
Уставших, медленно идущих,

Больных и так, без веры в Бога.
Я слёзно всех впередсмотрящих
Прошу: «Вы, знающие, где дорога,
Оглядывайтесь назад почаще».

* * *

Я не останусь – нет. Я весь умру –
До капельки, до нитки, до остатка.
До строчки, до конца. Не по нутру
Мне перевоплощаться в дым, в осадки,

В деревья, птиц, животных и потом
Прожить чужую жизнь в другом сознании.
Я не хочу, чтоб был такой фантом
С набором радостей, сомнений и терзаний,

Который я бездумно накопил
И с радостью в себе несу до края.
И будет так, куда хватит сил,
А сколько хватит – лишь Всевышний знает.

Я весь умру – до вечности, дотла,
И тень умрёт – и тень моя устанет.
Ни имени, ни храма, ни кола –
Лишь кровь моя останется как память.

ЛАЗАРЕВА СУББОТА

Праздник! Батюшка кропит
Вербочки букетик.
Из-под купольных стропил
Солнца лучик светит,

И ползёт по образам,
По колоннам, стенам.
Бьёт игриво по глазам
Яркий луч весенний.

Праздник, в храме суета.
В брызгах – блики радуг.
В дни Великого поста
Улыбаться надо.

Праздник! Воробьи кричат!
Я ж нашёл заботу –
Надо освятить бельчат
В Лазаря субботу,

Чтобы вербною лозой,
Славя день погожий,
Стучать радостно, не зло
Всех друзей-прохожих.

ВЕРБНОЕ

Я вербочку принёс домой
И со свечой пасхальной
Её поставил на комод
В углу, что в нашей спальне.
Щеку ладонью подперев
И обнаживши руки,
Ты, как на пальмовую ветвь,
На мой убогий прутик

Смотрела, видя пред собой...
Но взгляд срывался мимо:
Туда, где, как к себе домой,
К вратам Иерусалима,
Спеша на ослике верхом,
Приветствуя сограждан,
Он возвращался. Нелегко
Давался путь – не каждый
Мог принимать Его триумф,
Но пальмовые ветви
Коврово выстлали путь
Уверенней приветствий.

Когда переберусь я в мир иной,
То с удивленьем, разочарованьем,
А может, с радостью пойму, что вот оно:
Признание моё и наказание.
Здесь и оценка, здесь и результат,
Итог земных поступков и событий,
Которым там подведена черта,
А здесь плоды: что ваше – то берите!

Я в выборе не волен: сам Господь
Меня сюда направил, я – лишь путник
Без посоха, без торбы, без сапог.
Не сомневаясь в чём-то ни минуты,
Я был обласкан выбором таким,
Который сделал Он, и я доволен.
Я буду здесь творить, писать стихи,
Через страданье исполняя волю.

Господь меня не бросит даже здесь:
Весь путь мой – это грех и испытанье,
И, кланяясь Рождественской Звезде,
Я без лукавства чувствую страданье
Всех, кто не смог, кто просто не дошёл,
Не разглядел. Да, легион – им имя!
Для некоторых глуп я и смешон,
Но, раз Господь решил, я буду с ними.

МОЛИТВА

Как легко мне, Господи,
Знать, что ты в ответе
За кого ни попадя
И за всё на свете.

И минутной славою
Я Тебе обязан,
И победой главною,
И судьбой – всё сразу!

Ты не знаешь устали
И не ждёшь совета.
Днём ли, ночью, утром ли,
И зимой, и летом.

Как легко мне, Господи:
Я стою в поклоне,
Голова вся в проседях,
Да и жизнь на склоне.

В. Шамшурину

Ангела вам в дорогу,
Выбравшие свой путь
Все мы бредём понемногу,
Только вот – где свернуть,

Чтобы исполнить волю,
Чтобы познать себя,
Чтобы, наполнившись болью,
Вдруг превратиться в набат.

Знак провидения тонок –
Встань, обернись, посмотри:
Сколько их было, Зимёнок,
Сколько Александрий.

Рано! Без благословенья
Мы продолжаем путь.
Вечность или мгновенье –
Некогда передохнуть.

Истина или гордыня
Гонят нас. Не возвратить!
Солнце садится. Стынет.
Ангела вам в пути.

СИРЕНЬ

Весна прошла по всем дворам,
Избавив женщин от мигреней,
И вдруг упала на сарай
Пушистою волной сирени.

Сирень исполнила прибой
И даже свесилась по краю,
Когда заполнила собой
Всю крышу старого сарая.

Он, стоя в глубине двора,
Изображал карниз утёса,
С которого по вечерам
Струилась вниз сирени россыпь,

Меняя тон, оттенки, цвет,
Срываясь вниз в душистой пене...
Приходит лето в торжестве,
С дворами, полными сирени.

ИСПОВЕДЬ ОСЛИКА

Апокриф

Да не было там ничего:
Ни ангелов, ни херувимов –
На склоне овечий загон,
А дальше белела равнина.

Бездержный снежный заряд
Загнал нас в пастушью пещеру,
Закрытую шкурами в ряд,
Служившими временно дверью.

В пещере горел костерок,
А мы – мы дремали у входа.
Но вот он – исполнился срок!
И сразу же – толпы народа...

Вокруг загорелись костры,
Метель улеглась. Из пещеры
Все вылезли в зимнюю стынь,
Встревоженные без меры.

Над полем светила луна,
И ей помогала комета,
Хвостатым уродцем она
Пугала – плохая примета.

Солдаты, купцы, пастухи,
Столпившись, молчали угрюмо.
Но странно: не чем-то плохим,
А радостью полнились думы.

В пещере, в тепле и чаду
(Костёр прогорел и дымился),
Оставив Марию одну,
Иосиф у входа молился.

Когда человеческий крик
Дошёл до ослиного уха,
Всё замерло в мире на миг,
Всё, кроме сердечного стука.

Толпились на узкой тропе
И в звёздное небо глядели,
Лишь Кто-то невидимый пел,
И Кто-то играл на свирели.

КИДЕКША

*Здесь, на месте встречи
братьев Бориса и Глеба,
первых православных святых,
в середине XII века был
поставлен замечательный храм,
освящённый в их честь.*

Расселись на терновнике,
Клюют подмёрзший плод.
Гляжу как зачарованный,
И на душе – тепло.
– Откуда вы, заветные
Пичуги-суздали?

– Издалека, с неведомой
И сказочной земли.
Со Светлояра-озера,
Где спрятан Китеж-град,
Раз в год зарею розовой
Летим мы, чтоб с утра
Увидеть рукотворную
Небесную красу:
Мы – души, мы – из города,
Что утонул в лесу,
Без имени и отчества,
Спасались, как могли.
Зовите нас, как хочется,
Пускай мы – суздали!

Травы подмёрзшей сочный
Колючий изумруд:
На этой древней площади
Не пляшут, не поют.
Здесь, пролетев над вечностью,
Парит, белеет храм,
Соперничая с млечностью
И с лёгкостью пера.
И этот храм, что в Кидекше,
Без сказок, без былин
Достался нам от Китежа.
...Да птички-суздали!

Внизу, за Нерлью-речкою:
Поля из озимых,
И бор синее вечностью
В преддверии зимы.

ПРОВИНЦИЯ

А. Серикову

Да здравствует провинция!
Прости меня, столица,
Погрязшая в амбициях,
Разыгранная в лицах,
Проплаченная, продана
Лимитчикам – талантам,
И никому не родная –
Народная, и ладно!

Да здравствует провинция,
Где день прожитый – в радость,
Что никогда столицей
Не будет – и не надо,
Где принцы карамельные
Девчонкам ночью снятся.
Дожди идут неделями,
А в город – с автостанции.

Где незнакомцу – «здравствуйте!»
Где каждый день – от Бога,
А дни, хотя и разные,
Но к храму есть дорога.
И место есть для творчества
И для защиты принципов.
Без всенародных почестей
Живёт моя провинция.

ВОСПОМИНАНИЕ О СВЕТЛОЯРЕ

Тёплым летом над Светлоярмом
Проплывают лебеди-птицы
И роняют пёрышко снега
На зеркальную гладь воды.
Это чудо или подарок –
Пух-перо, плывущий на берег?
Был я там, или всё приснилось,
Или это легенды дым?

Колокольный звон из-под кручи,
Из-под кручи Холма Успенья,
Заставляет креститься невольно
И вставать на колени сильных.
Запах ладана шёл от лилий,
Что вдоль берега притаились.

Нежность белых болотных лилий
Приводила сердца наши в трепет.

И сквозь звон колокольный и сладкий
Запах ладана и белых лилий,
Мне всё чудится чудный город,
Город славных предков-героев,
Про который сложены песни.
Поклониться град-Китежу – праздник.
А предателя имя забыто,
Что врагу указал дорогу.

Есть далёкий город Данилов.
Я куплю в нём красного лука
И его принесу в подарок:
Три головки к сосне троерукой –
Этой Троице над Светлоярм...

Слышишь: снова звон колокольный
И далёкий крик лебединый.

* * *

Я наконец-то оценил
Божественность и щедрость
Подарка и всего, что с ним:
Обыденность и серость,
Познания радость, и греха
Тяжёлый груз, и свежесть
Рассветной песни пастуха,
И женской ласки нежность,
И многолетний сладкий труд,
И то, что встретил старость.
Я, Господи, благодарю
Тебя за твой подарок.

ПОСЕЩЕНИЕ ДАЧИ В ПЕРЕДЕЛКИНО

Он нас не встретил на крыльце,
Не пригласил пройти – мы сами
Вошли, подумав, что в конце
Концов *он* вечно наш! *Он* с нами
Всегда был искренен и прям.
Ложась в поступки, мысли, строки,
Он сомневался, был неправ
И оставался одиноким.
На что-то намекали нам
Предупредительно деревья,

Пока мы молча по корням
Шли от калитки, взяв правее,
К *его* гнезду. Как теремок
Полузаросший – как иначе
Его назвать? Ну, я не смог
Сказать: «Иду к музею-даче!»
Тогда уж точно никогда
Не встретить мне *его* с лопатой
На грядке, в куртке, сапогах,
С улыбкою подслеповатой.
А грядка вскопана была,
И в воздухе – навоза запах
Был. Это точно! Вот дела!
Мне это вспомнилось внезапно.
Вот на тропе подошвы след
Его, а *он* стал частью речи.
Он на одной со мной земле.
Он рядом. *Он* увековечен.
Он нас любил и был любим
Без величаний и без званий...
А две капустницы в любви
Танцуют над клубникой танец.
Пой песню, ангел. Пой, пастух,
Свой звукоряд – он тоже песня.
У каждого из нас свой слух:
Для скрипки и для звука жести...
А за забором, посмотри –
Пока поёт кукушка тупо –
Горит в косых лучах зари
Преображенья храма купол.

